

Н. Д. Голев

СТИХИЙНАЯ УЗУАЛИЗАЦИЯ НОМИНАТИВНЫХ ЕДИНИЦ

Процессы пополнения словарного состава языка за счет его внутренних механизмов обычно рассматривают в связи со словообразованием, приводящим к появлению в языке окказионализмов и неологизмов (см., например, [1, 2]). Однако эти процессы намного сложнее, и образование нового слова в естественном языке имеет как подготовительные («донеологистические») этапы, так и этапы «постнеологистические»: конкуренция окказионализмов, вхождение слов во всеобщее употребление (узуализации новообразования). Последние – предмет настоящей статьи.

Под процессом узуализации мы будем понимать вхождение какого-либо наименования в узус, т. е. во всеобщее (в больших или меньших масштабах) пользование. Узуализация означает приобретение номинативной единицей свойства воспроизводимости. Следствием этого процесса является формирование определенного лексического понятия, зафиксированного в языковом сознании всех носителей данного языка и предопределяющего выбор узуальной номинативной единицы в речевой деятельности.

Узуальные наименования принципиально отличаются от окказиональных во многих отношениях. Окказионализмы характеризуются, во-первых, вариативностью: один и тот же предмет в разных ситуациях разными говорящими (или одним и тем же) может быть назван по-разному, узуализация же – это установление устойчивой связи определенного предмета с каким-либо одним названием. Во-вторых, окказиональные наименования распадаются после их употребления, – каждый раз, чтобы назвать данный предмет, их приходится создавать заново; узуальные наименования воспроизводимы, моменты создания в них уступают моментам употребления как готовых единиц языка.

Процесс создания окказионального наименования отличается от процесса узуализации еще и тем, что в первом участвует один индивидум, говорящий, второй же – результат деятельности целого коллектива носителей языка как говорящих (пишущих), так и слушающих (читающих). Роль позиции слушающего здесь особенно велика, т. к. переход от индивидуальных окказионализмов к узуальным наименованиям есть, по существу, процесс восприятия всей совокупности номинативных единиц и стихийный (или осознанный) выбор одной из них как наиболее подходящей, становящейся нормативной и, следовательно, оцениваемой как правильной.

Каким образом происходит процесс узуализации наименований в естественных условиях?

Существует, вероятно, много путей для образования и вхождения слова в узус. Так, например, можно указать на различие номинации/узуализации искусственной и естественной. Для первой характерен осознанный подход к окказиональной номинации и отбору номинативных вариантов, стремление к разовому закреплению выбранного варианта в качестве всеобщей нормы. Для естественной номинации характерно произвольное создание окказионализмов. Автор их выражается «так, как сказалось». Такие окказионализмы возникают «по случаю», а вхождение или невхождение их в узус зависит от того, способно ли данное окказиональное наименование выдержать конкуренцию других возможных и реально существующих номинативных вариантов.

К такому противопоставлению искусственной и естественной номинации/узуализации близко стоит разграничение двух видов подбора слов, отмеченное Н. Г. Комлевым: словотворческого и словоупотребительного. Ср.: «Первый вид ономазиологического процесса есть создание нужного слова-знака, его “изобретение” после нахождения нового денотата ... Формирование лексического понятия завершается тотчас же, как будет найдено слово-знак ... Если предмет, явление, признак, отношение повторяется, т. е. встречается людям неоднократно, а представление о нем типизируется, то этот факт способствует зарождению лексического понятия и созданию для его фиксации словесного знака» [3, с. 84].

Очевидно, что акты искусственной номинации (словотворчества) в настоящее время преобладают в научной терминологии при создании неологизмов в художественной литературе, в топографической практике, в микроурбанике. Естественная номинация характеризует в первую очередь разговорную речь разных функциональных разновидностей и спонтанную письменную речь.

Противопоставление естественной и искусственной форм номинации имеет относительный характер. Их особенности проявляются так или иначе в каждом акте и результате именования, которые различаются лишь степенью естественности/искусственности.

Главным признаком «естественности» номинации, на наш взгляд, является ее тесная связь с речевой практикой, в ходе которой возникает потребность в новообразовании, создание слов и, наконец, вхождение их в узус. Общими чертами процесса естественной номинации мы считаем следующие.

1. Предшествование узуальным наименованиям свободно создаваемых речевых обозначений данного предмета. «Допустим, – отмечает Л. М. Майданова, – что дом, который на Урале называется шестистенным, круглым, крестовым и восьмиугольным, еще не получил названия. Однако признаки равенства стен и углов, крестообразное расположение внутренних капитальных стен будут актуализироваться во многих ситуациях, например при строительстве дома (легко представить себе обмен такими репликами, как “уложили первый венец”, “сложили все шесть стен”, “законопатили два угла”))» [4, с. 4]. Наличие подобных фраз – безличных конструкций, – предшествующих узуальным названиям болезней, предполагает В. А. Меркулова, ср.: «зуб ноет», «горло болит», «от груди умер», «в ухе стреляет», «в боку колет», «сглазили», «сурочили» и т. п. [5, с. 158]. Такого рода фразы при необходимости легко номинализуются, становясь разного рода окказиональными (а в будущем, возможно, и узуальными), описательными наименованиями, скажем, *дом с шестью углами, шестиугольный дом,*

зубная боль, урочная болезнь и т. п., ср. окказиональные наименования частей тела: *за ухом, под левой лапаткой, над правой бровью, на верхней десне, у клыка* [6, с. 80] или локальных микрообъектов типа *тонь под елиной в углу; поляна, где растет земляника; ручей у второго кордона* и т. п. (топонимы с такой конструкцией В. А. Никонов образно назвал «зародышами настоящих топонимов» [7, с. 18]. В связи с узуализацией интересен приводимый В. А. Никоновым пример образования наименования *Симбирск*, существующего сначала в форме *Город на Симбирских горах*, затем *Симбирский город* и, наконец, *Симбирск*).

2. Увеличение значимости какого-либо понятия ведет к увеличению частотности различных форм его выражения, вследствие чего все чаще происходит столкновение этих форм в коммуникативных ситуациях, приводящее к их своеобразной конкуренции. Она и является, на наш взгляд, главной движущей силой процесса стихийной узуализации определенного имени, приобретения им статуса ономасиологической нормы

Представляется весьма характерным следующий случай возникновения узуального наименования, наблюдаемый нами в обыденной речевой ситуации. На одном шахматном блиц-турнире игрокам приходилось обращаться друг к другу с просьбой, в которой фигурировала хорошо известная всем деталь часов (типа будильника), находящаяся на их задней стенке и служащая для перевода стрелок. Причина обращения – отсутствие этой детали у многих часов, что вынуждало шахматистов постоянно передавать ее друг другу. Первоначально наиболее характерными были разговорные формы – номинации: *дай мне эту...* (характерный жест вращения пальцами)... *стрелки перевести; ну, эту...* (жест)... *для стрелок; вон ту... для перевода; у вас время подводить?; чем стрелки подводят; шурупчик этот... для стрелок; дай штырек, ну, винтик этот* и т. п.

Среди данных форм появлялись и другие формы окказионально-компенсирующей номинации, но постепенно формировались и тенденции к сужению круга вариантов и формальному упрощению конкурирующих номинативных вариантов. Более простые варианты оказывались конкурентоспособными, они постепенно вытесняли все остальные неустойчивые (фразовые) и недостаточные (отождествляющие, дейктические, – типа *болтик, штучку эту*). На первый план выдвинулись названия типа *заводилка, подводка, переводчик, переводилка, крутилка* и т. п. В конце турнира было довольно заметно преобладание двух: *переводка* и *переводилка*.

Другой пример конкуренции формальных номинативных вариантов и их постепенного стяжения дает история вхождения в русский узус слова *кофе*. «Варианты слова: во второй половине XVII в. – *кофий, кефа, кофа, кафе, кафей, кафий, кофь, кофей, кава, кохий, кохвий, кохвей*, в XVIII в. – *кофе, кафе, кафей, кофь*, в лит. языке XIX в. – *кофе, кофей, кофий*, последние как простор. и устар. имеют место и в языке XX в.» [8, с. 361]. В настоящее время слово *кофе* вне конкуренции.

Понятно, что примеры иллюстрируют процессы узуализации разного масштаба. В случае с *кофе* мы имеем дело с конкуренцией в общенародном русском языке, осложняемой действием факторов территориальной, социальной, функциональной его дифференциации, взаимодействием форм устной и письменной речи (например, *кофей* и *кофий* – явно орфографические варианты), поэтому стихийная узуализация осуществлялась в течение двух веков. Но механизм ее в принципиальных моментах одинаков в обоих случаях.

Действенный характер конкуренции номинативных вариантов проявляется в том, что говорящие вынуждены ориентироваться на ранее услышанные и произвольно (а впрочем, не исключено, что и осознанно) зафиксированные в памяти варианты, давать им свою оценку по типу «принять или не принять». Учащение какого-либо номинативного варианта может также произвольно фиксироваться в сознании говорящих и приближаться к номинативной норме («все так говорят»). Так, в результате постоянных столкновений различных наименований одного предмета и их коммуникативной конкуренции происходит стихийное сведение многочисленных и разнообразных номинативных вариантов к одному (реже – нескольким) варианту, становящемуся узуальным и нормативным.

Понятно, что наблюдать возникновение узуальных наименований, как в приведенном примере, удастся редко. Чаще всего мы стоим перед фактом уже готовых, сформировавшихся узуальных обозначений. Все предыдущие формы по причине их ситуативности, неустойчивости и т. п., как правило, выпадают из поля зрения наблюдателя. Так, например, в настоящее время все с уверенностью называют узел шариковых ручек *стерженьем*. Однако на первых порах бытования этого предмета в речи встречались и другие его обозначения: *наполнитель*, *рефил*, *баллончик*, *ампула*, *запасной*, *запаска для ручек* [9, с. 445]. Сейчас эти наименования скорее всего будут восприниматься носителями русского языка как нарушения устоявшейся ономазиологической нормы. Такую же картину можно наблюдать и с названием предмета, «которым хозяйка прикрепляет белье на веревке». 90% опрошенных в настоящее время называют этот предмет *прищепкой*, однако, по данным Л. А. Капанадзе, такое название вообще не зафиксировано, отмечены лишь *прищепы*, *защепы*, *защепки*, *зажимки*, *держалки*, *прижимки*, *цеплялки*, *закрепки*, *скрепки*, *шпильки* [9, с. 443]; неясно, с чем связано различие данных: имеем ли мы здесь дело с диахронической, территориальной или социальной дифференциацией сфер номинативного варьирования или с разницей методов получения номинативных вариантов, – вопрос открытый.

Одна из главных проблем, которая возникает при характеристике процесса узуализации, связана с решением вопроса, почему «побеждает» то или иное название? Как известно, «...новое слово должно обладать “пробивной” силой для того, чтобы укрепиться в языке» [10, с.50]. Какие же компоненты составляют эту силу?

В этой связи представляется интересным следующее наблюдение С. Лема: «Процесс включения в язык новых слов имеет статистически случайный характер, и никогда нельзя, обследовав языковую пригодность слова, твердо утверждать, что его удастся ввести в фактическую языковую практику» [11, с.191]. Действительно, ссылаясь на внутренние языковые качества наименования на его «удачность» не всегда достаточны для объяснения причин узуализации какого-либо определенного названия. В принципе войти в узус может едва ли не любое обозначение предмета, независимо от того, образовано оно морфологическим или лексико-семантическим способом, является оно описательным или отождествляющим. Чем, собственно говоря, слово *прищепка* удачнее, скажем, чем *защепка*, а *стержень* – чем *наполнитель* или *запаска*? Казалось бы, недостаточность отождествляющих номинаций (и в особенности номинаций-«губок») не позволит им выдержать конкуренцию со стороны других форм обозначения, но

в «списке» узуальных названий конкретных предметов существование подобных обозначений не такая уж редкость, ср., например, *перекладина* (о гимнастическом снаряде), *крючок* (рыболовный, вязальный и т. п.), *планка* (прицельная), *рейка* (прибор для определения уровня воды), *шейка* (рельса, ребра, зуба), *головка* (винта, завода часов, ракеты, ср.: *боеголовка*), *столбик* (ртутный), *плитка* (электроплитка), *машинка* (печатная) и др.

С точки зрения узуализации подобные «недостаточные» наименования имеют довольно серьезное преимущество перед остальными. Это преимущество заключается в их большей частотности на этапе конкуренции окказионально-компенсирующих обозначений данного предмета. Относясь к тем словам, которые «первыми приходят на ум», они, естественно, чаще всего употребляются говорящими. Частотность же, без сомнения, является одним из самых важных компонентов «пробивной» силы наименования; именно на основе частотности и складываются в естественных коммуникативных ситуациях те или иные номинативные нормы*.

Рассмотрим с этой точки зрения данные нашего эксперимента, в котором испытуемым предлагалось обозначить (в виде заполнения пропуска в специально организованных контекстах**) предметы, не имеющие в быденном языке устойчивых узуальных названий. Предметы были изображены на рисунке. Приведем несколько примеров обозначений, полученных в эксперименте, в порядке уменьшения частотности:

сосок умывальника: стержень, краник, носик, гвоздик, штырек;

шпенек пряжки: застежка, стерженок, штырек, замок;

илевка ремешка часов: ремешок, хомутик, ободок;

скобка на колпачке авторучки: скобка, зажим, держатель;

пылевыбивалка: выбивалка, хлопушка, пылевыбивалка;

суженная часть груши: верхняя часть (так на рисунке!), конец, верх, головка, верхушка, горлышко, узкая часть;

плодоножка яблока: хвостик, черенок, веточка, черешок, стебелек, корешок.

Как видно из приведенных примеров, лексические новообразования редко фигурируют в качестве наиболее употребительных. Наибольший удельный вес занимают отождествляющие обозначения, чему способствует специфика разговорной речи и быденной номинации, характеризующихся стремлением избегать конкретизации наименований без явной коммуникативной нужды (см. об этом: [9, с. 462; 12, с. 62–65]). Однако из этого неверно было бы делать вывод о том, что новообразования неконкурентоспособны в плане стихийной узуализации. Они имеют свои преимущества, которые при некоторых условиях могут оказаться решающими. Несмотря на высокую частотность, отождествляющие наименования могут оцениваться многими говорящими как «неправильные», в силу их недостаточной способности к выделению предмета как такового. Поэтому предпочтение при актуализации выделяющей функции может быть оказано новообразованиям, подчеркивающим новизну и самостоятельность, а также коммуникативную значимость обозначаемого предмета. Они к тому

* Видимо, на частотные названия ориентируется и биологическая номенклатура. Так, при выборе диалектных названий в качестве орнитологического термина используются, как правило, те из них, которые в словарях имеют пометы «распространенное» или «повсеместное»

** Например, нажав на... я убедился, что в умывальнике нет воды (для соска умывальника).

же по сравнению с описательными наименованиями обладают большим потенциалом устойчивости и более экономны в обыденном речеупотреблении.

Итак, несмотря на всю важность для стихийной узуализации признака частой употребительности названия, это не единственный фактор узуализации, нередко частотность выступает и как производная от других факторов величина. При этом большое значение имеет авторитетность автора или источника наименования. Немецкая пословица «Слова королей – это короли слов» хорошо иллюстрирует данный фактор: наименования, созданные авторитетом или властью «правильны и обязательны, ибо легитимны». В юриспруденции есть тезис: конфликт интерпретаций решает власть. В нашем случае актуализируется конфликт конкурирующих вариантов. В обыденных ситуациях авторитетность автора может проявляться по-разному: через возраст, знание вопроса, лидерство в коллективе и т. п. Если рассматривать узус в широком плане (как общенародный язык), то для носителей просторечий и диалектов здесь несомненна роль авторитетности литературных источников: прессы, радио, специальной литературы и беллетристики. Ясно, что в конкуренции с просторечными и разговорными формами слова с «ореолом» литературности, книжности и официальности должны иметь преимущества

Другим фактором, определяющим частотность и производную от нее узуализацию определенного имени, может служить его соответствие типичным узуальным формам. В процессе узуализации, нужно полагать, происходит соотнесение нового наименования со всеми другими входящими в данный тематический класс именами, и оценка его с точки зрения «правильности» или «неправильности». Иными словами, в каждой тематической группе складываются определенные нормы наименований, а соответствие нового наименования этим нормам не может не оказывать влияния на его узуализацию.

Рассмотрим действие данного фактора в области в не ш н е й формы. Так, например, практически исключена узуализация фразовых номинаций артефактов типа *то, чем застегивают ремешок* или описательных обозначений типа *кулик с красными ногами* в орнитологической номенклатуре.

Для каждой тематической группы характерны свои типичные узуальные формы. Так, в сфере составных народных наименований птиц доминирующее положение (около 85%) занимают атрибутивные конструкции типа *деревенская ласточка, большая синица*. Намного реже встречается другой тип составных наименований – согласование двух существительных: *кулик-красноножка, дрозд-деряба, лебедь-шипун* и т. п. Еще более редки в народной биологической номенклатуре генетивные конструкции, в отличие от научной (ср. *лошадь Пржевальского*). Иначе обстоит дело в сфере составных наименований артефактов и особенно их деталей (*шейка рельса, планка прицела, головка завода часов*), конкурирующих с атрибутивными конструкциями (*прицельная планка, спусковой крючок*).

В сфере обыденной микротопонимии весьма регулярны субстантивные конструкции, выражающие пространственные отношения (*лес за мостом, болото у первой протоки*), но в процессе узуализации они часто заменяются «более узуальными» атрибутивными наименованиями, например, форма *лес у мостища* вытесняется формой *лес мостовой, поле от Ивашевки – Ивашевское поле, поле у церкви – Церковное поле* (см. [13]).

Что касается «правильности» лексических однословных наименований, то она, на наш взгляд, зависит более всего от продуктивности модели и точности ее выбора. Такое название детали для перевода стрелок, как *переводчик*, имело в этом смысле меньше шансов стать узуальным по сравнению с названиями *переводка* и *переводилка*, т. к. отглагольные образования с суффиксом *-чик* все-таки более характерны для названий лиц, чем для деталей артефактов. Номинативные варианты, образованные с помощью продуктивных суффиксов, наиболее частотны, поэтому в ряду других вариантов они часто выполняют функцию доминанты. В разговорном языке таковыми нередко являются отглагольные производные на *-лка*, обозначающие артефакты, ср. ряды: *нажималка* и *нажиматель* (*нажимальник*) – о соске умывальника; *выбивалка* и *выбивушка* (*выбивалочка*) – о пылевывивалке, в которых слова на *-лка* явно более естественны, их частотное появление в эксперименте поэтому закономерно. А. А. Реформатский назвал однажды такие слова «функционалками» [14, с. 270].

Эта лингвистическая шутка позволяет нам легко перейти к такому фактору узуализации, как в н у т р е н н я форма. «Функционалки» – это слова, внутренняя форма которых отражает функцию обозначенного ими предмета; такой принцип мотивации характерен в русском языке для наименований артефактов. Соответствие типовым моделям внутренней формы имени (принципам и способам номинации) является важным фактором узуализации определенного имени, т. к. он (фактор) поддерживает образ п р а в и л ь н о г о имени в языковом сознании рядовых носителей языка. Данная тема – предмет отдельного обсуждения, отчасти предпринятого нами в [12, с. 85–92; 15; 16]. Здесь же ограничимся иллюстрацией действия данного фактора узуализации – типичности внутренней формы – одним примером. А. К. Матвеев откликнулся на появление искусственных названий ручьев типа *Рондо*, *Соло*, *Струна* таким тезисом: «Все эти музыкальные названия конечно же никак не вписываются в топонимическую систему, не оправданы в смысловом отношении» и далее приводит примеры естественного называния ручьев «по звуку»: *Шумишка*, *Гремишка*, *Говорун*, *Болтун*, *Соловей* [17, с. 124–125], которые доказали свою языковую жизнеспособность, войдя во всеобщее употребление как модель именования.

Литература

1. Торопцев И. С. Словопроизводственная модель. Воронеж, 1981.
2. Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М., 1982.
3. Комлев Н. Г. Ономазиология как учение о языковом обозначении неязыковой действительности // Вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. М., 1968.
4. Майданова Л. М. Номинативные варианты обозначения реалий в конкретной лексике среднерусских говоров: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Новосибирск, 1974.
5. Меркулова В. А. Народные названия болезней. 1 // Этимология. 1967. М., 1969.
6. Девкин В. Д. Разновидности номинации // Учен. зап. МГПИ. Т. 475. Вопросы немецкой филологии. М., 1971.
7. Никонов В. А. Введение в топонимику. М., 1965.
8. Этимологический словарь русского языка: В 2 т. Т. 2, вып. 8 (К) / Под рук. и ред. Н. М. Шанского. М., 1982.
9. Русская разговорная речь. М., 1973.

10. *Король Т. В.* Оказионализмы как разновидность неологизмов и возможность их классификации // Учен. зап. Латв. ун-та. Т. 89. Проблемы лингвистики и зарубежной литературы. Рига, 1968.
11. Основы теории речевой деятельности. М., 1974.
12. *Голев Н. Д.* Динамический аспект лексической номинации. Томск, 1989.
13. *Головина Э. Д.* О характере номинации в микропонимике (на материале говоров северо-западной части Кировской области) // Вопр. топонимистики. Вып. 5. Свердловск, 1971.
14. *Реформатский А. А.* Лексические мерисмы и семантическая редукция // Проблемы структурной лингвистики. М., 1973.
15. *Голев Н. Д.* «Естественная» номинация объектов природы собственными и нарицательными именами // Вопр. ономастики. Свердловск, 1974. № 8–9.
16. *Голев Н. Д.* О некоторых общих особенностях принципов номинации в диалектной лексике флоры и фауны // Русские говоры Сибири. Томск, 1981.
17. *Матвеев А. К.* Неройки караулят Урал. Свердловск, 1976.

Д. В. ЖЕРДЕВ – Т. В. МАТВЕЕВА: **ДВЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ***

В. Кальпиди

* * *

Точно марку на конверте, снег лизнул изнанку неба
и приклеил к ней травинку, а к травинке – без пальца
человека в детских ботах, про которого не треба
говорить, что он не виден. Потому что он – никто.

Тем не менее любовник, неудавшийся папашка,
с желтым горлом никотина, в страшной азбуке зубов,
он во сне *танцует* женщин: вот он кружит замарашку,
или трогает другую, обходя углы углов.

Он висит на фоне птицы, птицы грязной, в голубином
одеянье шелестящем, т. е. мухи кабы не
клюв, который шелушится – буду точным – не хитином.
(Чем он станет шелушиться, если точным быть вполне?)

Если дьявол – падший ангел, не живой, а насекомый,
если в теле гусеничном он, раздвоенный, ослеп –
это значит, между прочим, я нашел пассаж искомый:
снег уральский, если честно, – это просто *падший* хлеб.

---

* Из кн.: *Кальпиди В.* Запахи стыда: желтая запись. Пермь, 1999. С. 27–29.